

Павел Засодимский

Неразлучники

Павел Засодимский

Неразлучники

«Public Domain»

1899

Засодимский П. В.

Неразлучники / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1899

«...У обоих слепцов слух и осязание были тонко развиты, но у мальчика они были развиты лучше. Самый легкий, чуть слышный, скрадывающийся шорох не ускользал от его внимания, самый обыкновенный шум и стук пугали его, заставляли вздрагивать. Легкое веяние воздуха он чувствовал на своем лице так же хорошо, так же явственно, как мы чувствуем дуновение ветра...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	9
V	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Павел Владимирович Засодимский

Неразлучники

I

Приход «Николы в Боровом» – довольно большой приход. В нем насчитывается жителей более тысячи душ. Церковь, с белыми стенами и зеленою кровлею, стоит на месте высококом. Церковь – двухэтажная, как и большая часть деревенских церквей; внизу – зимняя, «теплая», пониже и потемнее, а сверху – летняя, или «холодная», церковь, высокая и светлая, с большими окнами.

Вокруг церкви расходится кладбище – по-деревенски «погост». На западной и на северной стороне погоста могил мало: зато много их ютится на восточной и полуденной его стороне, и все они, как видно, жмутся поближе к церкви. На иных могилах стоят покривившиеся кресты, посеревшие от времени; на других просто торчит кирпич или положены две палочки крест-накрест, перевязанные веревочкой или мочалой. Здесь нет дорогих мраморных памятников, разукрашенных бронзой, какие встречаются на городских кладбищах. Здесь, у Николы в Боровом, покоятся в тихих могилах не богачи и не вельможи, не «сильные мира сего», но простые люди, великие труженики и великие несчастливцы, неизвестные миру, в горе жившие и в горе скончавшие жизнь... Зато летом на этих могилах, как памятник, вечно весною возобновляемый природою, растет густая, сочная, зеленая трава и распускаются пестрые, красивые цветы. Тогда из травы там и сям, вместо надписи, на этом вечном памятнике синеют незабудки, как ясные глазки ребенка...

Серая деревянная ограда, полусгнившая и местами уже дырявая, окружает погост. Шарик, обитые жостью, кое-где еще сохранившиеся на ограде, издали при солнце блестят и горят, словно серебро. Вдоль ограды, там и сям растут развесистые березы, рябина, черемуха и плакучая ива. С одной стороны погоста – по ту сторону деревенской базарной площади – стоят дома церковников, сараи, амбарушки, за ними расходятся поля, луга, а далее темнеет лес.

Отступя несколько сажен от церкви к стороне поля, у самой ограды, высится колокольня. Для деревни эта колокольня считается очень хорошей. Она в 25 сажен вышины и ее блестящий шпиль в ясную погоду виднеется из-за синеющих лесов издали – верст за 20. У нее до пяти обрезов (выступов). Слуха (отверстия, вроде громадных оконных сводов, где висят колокола) высокие и просторные счетом до шести. В этих слухах подвешено девять колоколов различной величины: четыре очень маленьких для мелкого перезванивания и четыре средних. Один из последних был «Завсегдшний», как называл его сторож. От языка этого колокола проведена веревка вниз, в сторожку, для того чтобы в него можно было звонить, не поднимаясь каждый раз на колокольню. В этот колокол обыкновенно сторож бил часы. Веревки же от малых колоколов, для удобства, были соединены вместе, дабы звонивший мог разом, одною рукой, управлять ими. В одном из слухов висел колокол покрупнее. А на площадке, окруженной всеми этими колоколами, подвешенный к своду, находился главный большой колокол. Двое с трудом раскачивали его тяжелый язык, зато густые звуки этого колокола гудели далеко-далеко над всею окрестною стороною. На колоколе выбиты два образа и значится такого рода надпись: «Гласу будь сему послушен, если царства ищешь ты, никогда не будь ослушен – в храм иди от суеты». Затем ниже, по самому краю колокола, можно прочесть еще следующие строки: «Лил сей колокол цеховой мастер ярославский купецкой сын Николай Сапожков год 1832 июля 21 дня. Весу 354 пуда 28 фунтов».

Жители села Борового немало гордятся этим колоколом и вообще своею высокою колокольнею.

Кроме сторожа и сторожихи да двух убогих, под крышей и под сводами колокольни ютятся голуби и галки. Это население очень беспокойное и шумное, особенно галки со своими маленькими галчатами. По утрам и ввечеру поднимают они порой такой оглушительный гомон, «как будто перед светопреставлением», как говорит сторожиха. Голуби любят сидеть на краешке крыши или на перилах деревянных решеток, ограждающих слуховые окна. И подолгу, бывало, тихо, любовно воркуют они между собой, наклонив друг ко другу свои сизые головки...

II

Колокольня живет своею собственной жизнью и представляет особый маленький мир. У нее своя история, свое прошлое, свои воспоминания...

Впервые она построена в 1784 году, значит, сто лет тому назад. После того она несколько раз отстраивалась и подновлялась. Лет 60 тому назад, во время большого пожара в Боровом, одна сторона колокольни обгорела и сильно потемнела от дыма. Однажды, тоже давненько, в бурю сорвался один из ее колоколов, но, к счастью, никому не причинил вреда, только сам при падении дал трещину и врылся в землю чуть не на четверть аршина. В 1852 году, в девятую пятницу, во время страшной грозы, молния ударила в колокольный шпиль и покривила его, а вихрем в то же время изломало на колокольне крышу. Много бурь-непогод пронеслось над колокольней. Много поколений деревенских людей прошло мимо нее, и все они, наконец, успокоились, все они лежат вот тут – между церковью и колокольней – на этом пространстве, покрытом могильными буграми... А колокольня и теперь, как в старину, точно справляет свое дело.

В темные осенние ночи, как черное, заоблачившее небо рдеет багровым заревом пожара, торопливые, тревожные, за душу хватающие звуки разносятся с высоты колокольни по спящей, безмолвной окрестности: словно с тяжким стоном, с отчаянием, с болью вырываются они из медной гортани колоколов, и гудят-нудят и будят спящих, возвещая им о напасти и призывая на помощь ближним. Зимой, в метель и вьюгу, путник, сбившийся с дороги и полузанесенный снегом, бывало, приходит уже в отчаяние, чувствуя на себе ледяное дыхание смерти, как вдруг сквозь свист и завывание ветра доносятся до него обрывки звуков колокола – и путник поднимает поникшую голову, прислушивается к спасительным звукам, идет на них, и с каждым шагом уходит все дальше и дальше от холодной смерти, со всех сторон грозящей ему из-за снежного вихря, из-за непроглядной ночной мглы. Порой колокола печально перезванивают, нагоняя тоску и уныние... Это значит, что человек отходит в землю, и этими печальными, скорбными звуками мир живых говорит отходящему последнее «прости». А в праздничные дни, под ясными, сияющими небесами, светло и радостно звонят колокола, торжественно и мирно льются в чистом воздухе эти победные звуки, далеко разносясь по окрестностям и навеивая на душу труженников – хотя ненадолго – отраду и успокоение и как бы суля им исполнение их заветных надежд...

Белая краска местами обвалилась со стен, и на стенах видны красные ряды кирпичей, ступени на лестнице порасшатались и скрипят, некоторые колокола дали трещины, но колокольня все-таки стоит твердо и правит свое дело. Во всех крупных житейских событиях она играет роль, она принимает участие в жизни человека со дня его рождения и до гробной доски: медными гортанями своих колоколов она отзывается на все – на горе и радость...

Только о Пасхе и в царские дни прихожане могут ходить на колокольню и звонить, сколько их душе угодно; в остальное же время колокольня закрыта для них. Полусумрак, вечно царствующий на лестнице, придает колокольне в глазах посторонних людей какую-то особенную таинственность. Погост, окружающий колокольню, бросает на нее тень от своих могил и крестов.

Для жителей Борового смерть представляется тайной. Они страшатся смерти и боятся покойников. С погостом у них всегда соединяется представление о смерти и о мертвецах, поэтому погост и колокольня всегда для них являются страшным местом и окрашиваются в мрачный, зловещий цвет. Старухи по вечерам рассказывают ребятам про погост всякие ужасные бывальщины, и ребятам становится жутко; маленькие слушатели невольно вздрагивают и крепче прижимаются друг к другу...

III

Церковная сторожка представляет собой довольно большой, но полутемный и мрачный покой, с двумя окнами и с высоким сводчатым потолком. Одно окно выходит на улицу, другое в поле, а дверь – низенькая, широкая, с двумя каменными ступенями. Тонкою дощатою перегородкою сторожка разделяется на две части. В одной половине стояла большая закоптелая русская печь, а к ней приделаны полаты, такие же закоптелые; здесь жил сторож с женой. В другой камерке, немного поменьше первой, жили убогие, «темные люди», – так наш народ называет слепых; из этой камерки дверь вела на лестницу. Лестница в несколько переходов доходила до верхней площадки колокольни; первые тридцать ступеней были кирпичные, а затем шли деревянные. Много поколений деревенских людей ходило по этой лестнице звонить на колокольню. Лестница была уже ветхая, перила ее местами обломались, половицы поскрипывали и трещали под ногой, а нижние кирпичные ступени уже пообсыпались. Лестница вилась неправильным, угловатым винтом.

Если посмотреть сверху вниз, то представляется полуосвещенное пустое пространство; лишь кое-где торчат небольшие выступы, видны деревянные балки, идущие в разных направлениях, какие-то деревянные подпорки и старые, гнилые доски, лепящиеся на них. До поры до времени там и сям, между балками и досками, как темные тени, проносятся галки и вылетают в одно из узких окон или исчезают, опускаясь вниз и словно утопая в полуосвещенном пространстве. Кирпичные стены местами остаются красными, местами заштукатурены или просто замазаны белой краской. Вообще, внутренность колокольни носит какой-то странный характер: все тут как будто недостроено, недоделано и брошено как попало. У непривычного человека при взгляде вниз – с высоты последних верхних ступеней – кружится голова и невольно думается: «Что-то от меня останется, если полететь вниз турманом? И косточек, поди, не соберешь!» Старик-сторож, Иван, сказывал, что, когда он на первых порах смотрел вниз на темную пропасть, разверзавшуюся у него под ногами, то в коленях его чувствовалась слабость, ноги дрожали, голова шла в круги, а самого так и тянуло, неотразимо, неотступно тянуло вниз.

– Так вот, кажется, и опустился бы туда вниз головой! – говорил Иван, вспоминая старину. – Дух захватит, даже жутко станет! Иной раз придешь с колокольни-то, – весь дрожишь, ровно в лихоманке, а сердце-то бьется, точно выскочить хочет... Знать, уж такое искушение мне было! В ту пору священник, отец Константин, советовал мне каждый раз, как иду на колокольню, читать про себя: «Избави нас от лукавого»... Ну, а потом, по времени, привык... – заканчивал Иван свой рассказ.

Над сторожкой, в стороне от лестницы, лежат всякие старинные церковные вещи, вышедшие из употребления: доски старого иконостаса, полинявшие иконы, образа, привозимые с покойниками, изломанные кадила, разбитые лампадки, какие-то почернелые кресты и много всякой всячины.

IV

Сторож Иван – худенький, мозглявый старик – уже не один десяток лет служит при церкви. Он уже насмотрелся на всякие виды смерти, привык жить постоянно с мертвецами, между могил. Он, как мудрец, видел в смерти неизбежный исход для всего живущего. Он совершенно спокойно рыл могилы для старого и малого и так же спокойно своими старческими, дрожащими руками засыпал покойников землей. Иногда при своей печальной работе он даже добродушно подшучивал.

– Пожалуй, что и довольно? Будет ему по росту-то... – говаривал он порой, опираясь на заступ и заглядывая в глубь вырытой могилы, как бы измеряя ее глазом. – Этакую ямку-то хорошую вырыл! Хоть лечь впору...

В другой раз похваливал он самого себя, самодовольно поглаживая свою седую бороду и как бы любясь на дело рук своих.

Конечно, похороны давали ему небольшой доход, но нельзя сказать, чтобы он радовался чужому горю, чтобы он радовался лишним похоронам. Правда, он был бедняк... Он получал от церкви маленькое жалованье, да два раза в год – зимой и летом, – ходил по приходу собирать хлеб, масло, яйца, лен. Вот чем жил сторож Иван. Поэтому ясно, что гроши, перепадающие ему за похороны, были далеко не лишние. Но если бы он знал, что, поступившись своими грошами, мог вернуть человека к жизни, то, разумеется, с радостью отдал бы их назад. А теперь он брал эти деньги совершенно спокойно, как должное, как взял бы за всякую другую работу. Надо же кому-нибудь хоронить покойников, не он, так другой станет хоронить их.

– Человек с тем и родится: чтобы умереть! – рассуждал он. И для меня когда-нибудь придет такой день, когда я поутру не проснусь, а вечером не лягу спать. И меня в землю зароят, как я теперь зарываю других, и меня оставят одного в могиле, и пойдут обедать, а потом всяк примется за свое дело. Ничего не изменится от того, что я умру. И облачко точно так же пойдет по небу и береза зазеленеет весной, и другие люди будут жить на земле... О чем плакать и печалиться?

«Чему быть – того не миновать!» – было его постоянным припевом.

Вася, слепой мальчик, поселившись в церковной сторожке, то и дело слышал толки про смерть, про могилы да про покойников. Вася не видел мертвецов, не мог ясно представить их себе – и поэтому понятие смерти не внушало ему страха. Но все-таки по этому поводу у него со сторожем не однажды происходили разговоры.

– Дяденька, что делается с человеком, когда он умирает? – спрашивал Вася старика.

– Что делается? – отвечал тот. – А вот что: человек дышать перестает, похолодеет весь, ни рукой, ни ногой не пошевелит... вот это и значит – помер.

– А что такое «смерть»? – продолжал Вася.

– Да что ж такое... смерть? – бормотал старик. – Придет конец краю – вот тебе и смерть...

Так Вася и не мог добиться ясного ответа на свой вопрос...

V

Вася двух лет остался круглым сиротой, без отца, без матери. У него был единственный родственник – дядя; четыре года он жил у дяди, пока тот не умер. Сторож и сторожиха – старики бездетные – сжалились над убогим мальчонком и взяли его к себе в приемьши, вместо сына... Около того же времени ослеп и Павел Рябок, всю жизнь свою проживший с женой в батраках по чужим людям. Были у него в Боровом двоюродные братья, но они переписались в мещане и уехали на житье в город. Разбогатевшие родственники не захотели и знать бедного Рябка.

– Приютили одного слепого, возьмите уж и меня, добрые люди! – сказал он сторожихе, как-то прибредя в церковь.

Ульяна была женщина добрая, близко принимавшая к сердцу людское горе.

– Ну, что ж... Иди, Бог с тобою! Как-нибудь прокормим... – отвечала ему сторожиха.

– Знамо дело, мир не даст умереть убогому, темному человеку... – мудро заметил Иван.

Вот вместе и поселились наши слепые – старый да малый – в церковной сторожке, под колокольней.

Когда Павел Рябок был еще зрячим и ходил по праздникам в церковь, то нередко встречал на погосте маленького слепого. Грустное и кроткое личико с закрытыми глазами тогда еще внушило Рябку большую жалость к себе и крепко запало ему в память. Несколько раз приглашал он Васе гостинцы: то калач, то печеных яиц, то пряников-сусяников. Тогда у него и в мыслях не было, что судьба когда-нибудь сведет его самого на жительство с этим маленьким слепым. Едва прошел год, – и вот Рябок поселился вместе с Васей в церковной сторожке.

Звали их «братанами», хотя они не были родственниками, но были людьми совершенно посторонними друг другу. Горе-несчастье свело их вместе, сблизило, породнило и – воистину – сделало братьями.

В то время, к которому относится наш рассказ, слепые уже в течение двадцати лет жили вместе. Старику было лет 70, Васе едва лишь минуло 25.

Рябок ослеп на пятидесятом году. В деревне говорили тогда, что «в глаза ему ударила темная вода». Он ослеп не вдруг, но мало-помалу терял зрение, мало-помалу видимый мир исчезал у него из глаз; с каждым днем свет все более и более пропадал у него из глаз, все пред ним более и более затуманивалось, – и, наконец, солнце с его веселым, радостным светом и блеском совсем и навсегда закатилось для несчастного. Вечные серые сумерки – печальные, беспросветные – наступили для него. Когда он, бывало, днем сидел в избе, то отверстия окон представлялись ему лишь серыми пятнами на черном фоне. Люди, днем подходившие к нему, являлись ему темными фигурами, какого-то неопределенного, фантастического вида. С наступлением вечера для него начиналась уже глухая, темная ночь, и огонь свечи или лучины не только не разгонял окутавшего его мрака, но еще пуще сгущал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.